

Утверждение жанра

НА СПЕКТАКЛЯХ МОСКОВСКОГО ТЕАТРА САТИРЫ

Театр этот принадлежит к немногим драматическим коллективам, которые еще не названы именами великих людей. Очевидно, не было подходящего повода. Но у наших гостей уже есть свое имя, которое о многом говорит каждому. Известность театр заработал в нелегкой борьбе за утверждение сатирического жанра, пользующегося такой популярностью у народа.

Сатира, в том числе и театральная, разнообразна. Она включает множество оттенков — от бичующего сарказма до скрытой иронии. Об этом наглядно свидетельствуют и репертуар москвичей. Различные художественные средства, приемы в способы сатирического обличения, к которым прибегает театр. Тут — гневный парос и жалкий юмор, памфлетная резкость и тонкий лиризм, открытое возмущение и лукавая улыбка, философское раздумье и оголенная брoсьность плаката.

Стоит ли еще раз напомнить о важности сатиры и в нашем советском обществе, победоносно строящем коммунизм? Об этом совсем недавно вновь говорил Н. С. Хрущев, называвший имена сатириков и сатирические жанры, признававший мастеров смежа смело высказывать и морально назидать все чуждое, фальшивое, негодное.

Как известно, смех — убивает. Но не только убивает, а и выпрямляет, направляет, учит. И те, кто пытаются притупить острые сатиры, посягают на эффективное воспитательное средство. В том, что у нас иногда нольют чужестранцев себя проходными, шкурными, халуги, — повинны также и литература и искусство, в последнее время мало обращающие внимания на серую траву и, главное, — не подымавшие общественный гнев против всего чуждого. Случилось так потому, что в период культа личности литераторы, ориентированные больше на парадное, идиллическое воспроизведение отдельных явлений, приунылись обходить острые жизненные углы, закрывали глаза на неблагоприятные факты и поступки. Этому «нейтралитету» приходит конец.

Московский театр сатиры тем и хорош, что, являя на вооружение сильнейшее средство общественного воздействия, стремится использовать все его многообразие — и содержательность и заплотность, остроту и брoсьность в свредельных выражениях, оценоческой форме. В нем — много отличных мастеров. Но талантливые авторы еще не составляют талантливого театра. Требуется общность творческих устремлений, эстетических позиций, этических задач. Все это есть у москвичей. И в этом одна из заслуг художественного руководителя театра заслуженного артиста РСФСР В. Плучена, много сделавшего для творческой консолидации коллектива.

И еще отличает театр дух поисков и дерзаний. Он, можно сказать, наново открыл своеобразную, хотя и нелегкую для реализации, драматургию В. Маяковского («Илоп», «Ваня»); сценически воскресил уморительно смешных персонажей И. Ильфа и Е. Петрова («Двенадцать стульев», «Золотой теленок»); заставил по-настоящему звучать публицистически темпераментные и новаторские пьесы М. Хикмета («Дамоклов меч»); добился принципиального успеха и в комедии украинского драматурга М. Бирюкова «Яблоно раздора».

В последнем спектакле театр наглядно доказал, что и в центре сатирического произведения может находиться положительный образ, каким здесь выступает полковник в отставке Коваль. В «Яблоно раздора» режиссер В. Плучек и ис-

полнитель роли Ковалья народный артист РСФСР и Таджикской ССР Б. Тенин, впрочем, как и многие другие участники, чутко уловили природу украинского юмора, сумели опозитивировать изображаемые события и героев.

Пусть сюжет, положенный в основу комедии, — не так уж оригинален (о меркантильных увлечениях иных председателей колхозов написано немало пьес). Общая атмосфера спектакля так почитива, игра актеров так проникновенна, что прощенья и сюжетные повторы, и известную наивность повествования, и другие огрехи.

О незаурядной удаче театра с «Яблоно раздора» мы говорили не из чувства «мелочного патриотизма», а отдавая должное искусству и художественной провозглашению коллектива, образившегося за народным юмором по правильному адресу: юмор — в широте украинцев.

Покалуд, трудно найти в Советском Союзе грамотного читателя, который бы не знал романы Ильфа и Петрова, не смеялся бы

от души над колоритнейшими образами Остапа Бендера и Воробьянинова, Паниковского и Фунта. И вот эти образы ожили на сцене.

На протяжении двух вечеров подряд играет заслуженный артист РСФСР Е. Васник (он же автор инсценировки) ловкая и пройдоху Остапа Бендера. Роль трудная, помимо всего прочего, и по объему. Надо все время быть на сцене, не мельчить зерна образа, правильно общаться с окружающими, по сути — вести спектакль. Но артист не чувствует усталости исполнителя.

Вот «гигант мысли» Киса Воробьянинов. Жанрово-сочный и психологически детализированный портрет этого оскотина старого мяра рисует заслуженный артист РСФСР А. Паданов.

Считанные минуты живет на сцене «затидпредседатель» мультяшеской фирмы Фунт. Но как всеобъемлюще и в то же время удивительно конкретная точность в физическом и духовном облике героя изображает его народный артист РСФСР В. Ленчен Пасов-

ему убедителен Паниковский — А. Овечкин. Есть немало других антерских удач даже в изображении эпизодических лиц.

При закономерных утратах инсценизации все же содержание и дух романов Ильфа и Петрова сохранены. Театр оправдал ожидания зрителей.

Нельзя без внутреннего напряжения следить за трагическими событиями «Дамоклова меча». Они и впрямь воспринимаются, как Дамоклов меч, опущенный над нами. Сидишь и как бы ожидаешь взрыва атомной бомбы, брошенной преступной рукой.

О постановке пьес В. Маяковского — «Илоп» и «Ваня» — театру говорились много летних слов. Не хотелось бы повторяться, но нельзя не сказать об одной важной вещи. На сцене разыгрываются, как будто небывалые, порой фантастические события, действуют вередко диалогичные герои. Театр, верный авторскому стилю, не побоялся гиперболизировать ситуацию и образы, олицетворял символы и символизировал бытовые детали. А спектакли в целом — при всей их колликативности — удивительно реалистичны, и это еще раз подтверждает, насколько объемно и востанительно понятие — социалистический реализм.

И все же в самых интересных, красивых, добротных работах театр обращает на себя внимание одна черта. Это чрезмерная увлеченность, приводящая порой и к некоторой потере художественной меры. Спектакли, сделанные по романам Ильфа и Петрова, — по-настоящему веселые, остроумные. Но не очень ли много обыгрывали? Существуют пределы восприятия и для смешного, переступать который, очевидно, не рекомендуется. Стремление довести зрелище до крайности отменяется и в «Дамокловом мече».

Сказанное, конечно, никак не умаляет творческих поисков и во многом удачных находок талантливого театрального коллектива. Сатиру — умную, болючую, хлесткую — утверждают наши гости на театральных подмостках. Тем самым они помогают обществу решать многие важные морально-этические проблемы, бороться с пережитками «людей с раннего времени», как говорил Паниковский, и с теми недостатками, которые отражают противоречия нашего времени, нашей действительности.

Моск. КИСЕЛЕВ.

Режиссер, авторы, образы. В верхнем ряду: главный режиссер театра В. Плучек; в роли Комиссаров («Дамоклов меч»); С. Саломея («Ваня»). В нижнем ряду: Е. Васник — Остап Бендер («12 стульев»); К. Залужная — Дочь Фунта («Дамоклов меч»); А. Паданов — Воробьянинов («12 стульев»). Рис. Ю. Крайнов.